

СТРАНСТВУЮЩЕЕ "СТРАННО"

Источник: Сигизмунд Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Л.: Художественная литература, 1990.

OCR - Александр Продан, alexpro@enteh.com

Это "странно"

Как странника прими в свое жилище.

Шекспир. Гамлет (д. 1, сц. 5)

- На циферблате шесть. Ваш поезд в девять?

- В девять тридцать, учитель.

- Что ж, постранствуйте. Это так просто: упаковать вещи и перемещаться в пространстве. Вот если бы Пространство, упаковав звезды и земли, захотело путешествовать, то вряд ли бы из этого что-нибудь вышло. Путное, разумеется.

Мой собеседник, запахнув халат, подошел, топчя плоские цветы ковра, к подоконнику, и глаза его, щурясь из-под припухлых старческих век, с состраданием оглядели пространство, которому некуда было странствовать.

- Странно, - пробормотал я.

- Вот именно. Все железнодорожные путеводители и приводят в конце концов сюда, в странно. Этого мало, странствия превратят вас самого, ваше "я", в некое "странно"; от смены стран вы будете страннеть, хотите вы этого или не хотите; ваши глаза, покотившись по свету, не захотят вернуться назад в старые удобные глазницы; стоит послушаться вокзальных свистков, и гармония сфер навсегда замолчит для вас; стоит растревожить кожу на подошвах ног, и она, раззудевшись, превратит вас в существо, которое никогда не возвращается.

Я смотрел на дуговидные морщинки, шевелившиеся вокруг рта старика, и думал: этот раз, вероятно, последний. Когда вернусь - скоро ли это будет? - придется искать его не здесь - на кладбище. А там уж какие разговоры. И я решил форсировать тему.

- Учитель, - спросил я, отыскав зрачками его острые, даже чуть колющие зрачки, - правда ли все то, что говорят о ваших путешествиях? Мне мало простых железнодорожных указателей. Мне бы хотелось увезти с собой хотя бы несколько ваших указующих слов. Мой опыт беден и тускл. Вы же... помогите мне, учитель, хотя бы маршрутами. Или воспоминаниями. Поверьте: то странно, в которое превратят меня странствия, как вы сказали, сохранит все ваши слова, не сдвинув в них ни единой буквы.

- Видите ли, - начал старый маг, усаживаясь в истертое кожаное кресло, - с тех пор, как я служу в Кооперотопе, я забросил и самую мысль о путешествиях; пусть земля ерзает по своей орбите, как ей угодно: с меня довольно. Вероятно, и счетная костяшка, которую вечно гоняют по стержню, считает себя заправской путешественницей. Но неусидчивость не выводит ее, как известно, за квадрат счетной рамы. Так. Но в юности, разумеется, думалось по-иному: тогда я откликался на зовы пространства, хотел дойти до куда всех дорог, наступить подошвой на все тайны, обогнать знаки и черточки, облепившие глобус, и ощупать своими собственными глазами всю шершавую кожу планеты.

- Представляю себе! И мне бы хотелось, учитель, получить от вас схему одного из ваших самых длительных и трудных путешествий: такого, которое бы брало землю тысячеверстными кусками, которое бы...

- Боюсь, что первые же мои слова разочаруют вас, мой юный друг: самое длительное и самое трудное мое путешествие передвинуло меня в пространстве всего лишь на семьдесят футов. Виноват, семьдесят один с половиной.

- Вы шутите?

- Нисколько. И мне кажется, что можно менять страны на страны, не прибегая даже к этим на пальцах отсчитанным футам: последние четыре года, мой друг, я, как вы знаете, не многим подвижнее трупа. Моя оконная рама не сдвинулась никуда ни на дюйм. Но та страна, людей и дела которой я не без любопытства наблюдаю, уже не та страна; и мне не нужно было, как вы это хорошо знаете, хлопотать о билетах и визах для того, чтобы превратиться в чужестранца и переехать из Санкт-Петербурга в Ленинград.

Я улыбнулся:

- Пожалуй. Но все же я повторяю свою просьбу: если не вы, то пусть хоть ваша память проявит активность. Рассказ о путешествии с маршрутом длиной в семьдесят футов, думаю, не отнимет много